

первым отведать вино и пищу». Конфуций говорит как раз о том, что родителей не только следует содержать, кормить и поить, что не только в этом заключаются почтение и забота, им необходимо душевное тепло и внимание близких.

Прозу китайских писательниц Бин Синь и Чжан Цзе отличает глубокий психологизм повествования, обусловленный изображением таких поступков героев и связанных с ними событий, которые позволяют раскрыть внутренние противоречия личности, противопоставленной среде, миру, трагическим обстоятельствам. Эмоциональные переживания персонажей детализируются на предметном, психологическом и символическом уровнях с привлечением широкого национального, культурного и философского контекста. Рассказы, затрагивающие «вечные проблемы» отношений, противостояний и взаимодействий между людьми, подаваемые читателю через объемные, противоречивые образы и ситуации, позволяют расширить представления о проблемном поле китайской женской прозы, выявить наиболее яркие ее черты.

Lebedeva Marina (Belarus State University, Belarus)

Contemporary Chinese Prose in Cultural Space of Belarus (Based on the Materials of The Cultural Project “World Literature” in “Neman”)

The cultural project “World Literature” in “Neman” acquaints readers with the most outstanding representatives of modern Chinese prose. In the stories of young Chinese writers, a contradictory personality is shown, whose nature is determined by the environment, upbringing, living conditions, the problem of choice. The duality of heroes, their internal and external contradictions, peculiarities of interaction with the world set the philosophical direction of intercultural dialogue. Humanistic values and guidelines, that are one for the world culture, make this dialogue especially constructive and relevant; the national idea is embodied in the context of humanistic trends.

Keywords: *intercultural communication, modern Chinese prose, plot, motive, context.*

*Лебедева Марина (Белорусский государственный университет,
Беларусь)*

Современная китайская проза в белорусском культурном пространстве (по материалам проекта «„Всемирная литература“ в „Нёмане“»)

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, современная китайская проза, сюжет, мотив, контекст.*

Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета к 65-летию образования КНР подготовил и осуществил на площадке ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нёман», издаваемого на русском языке, презентацию рассказов современных молодых китайских авторов. Как отмечает во вступительной статье Цуй Цимин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Республике Беларусь, «специальный выпуск журнала „Нёман“, посвященный переводу на русский язык характерных произведений молодых китайских писателей имеет важное значение в развитии гуманистических идей, культурологическо-тематических исследований и взаимоотношений между Беларусью и Китаем»¹.

В современном мире невозможно недооценивать значение межкультурной коммуникации, направленной на расширение границ в сфере художественной словесности, на понимание ментальных особенностей другого народа, его нравственных, социальных, культурных приоритетов. И в этом смысле знакомство белорусского читателя с новейшей китайской литературой, «погружение» его в иной культурологический контекст на фоне глобализации, представляется своевременным и ценным, внося свой ощутимый вклад в «современные информационно-коммуникативные практики стратегического партнерства Беларуси и Китая, направленные на формирование в обществе осознания взаимозависимости, общности интересов и целей государств-партнеров, на достижение конструктивного диалога и взаимодействия по повестке дня партнерства»². Кроме того, в организации диалога культур неизменной актуальностью характеризуется и его психологическая составляющая, которая, в свою очередь, определяет продуктивность международных программ, направленных на знакомство с традициями, обычаями, укладом жизни друг друга³. Совокупность указанных факторов, безусловно, подтверждает и масштабирует важность и востребованность подобных проектов.

Серию представленных в «Нёмане» произведений современных писателей открывают рассказы А И «Маленький человек» и «Отшельник». Уже в названиях актуализируются характерные и для русской литературы мотивы одиночества и обособленности «маленького человека», традиция которых восходит

¹ Цимин Ц. К 65-й годовщине образования КНР / Ц. Цимин / Нёман. № 10. 2014. С. 3.

² Вальковский М. Дискурсивные практики стратегического партнерства Беларуси и Китая / М. Вальковский / Журналістыка ў суладзі з жыццём: да 90-годдзя заслужанага дзеяча культуры Рэспублікі Беларусь, доктара філалагічных навук, прафесара Барыса Васільевіча Стральцова: зб. навук. прац. Мінск: БДУ, 2016. С. 137.

³ Лебедева М. Белорусская веб-журналистика о международной интеграции в сфере культуры: информация и аналитика / М. Лебедева // Сучасная медыясфера: практыка трансфармацыі, тэарэтычнае асэнсаванне, інстыцыянальныя перспектывы: матэрыялы I Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 30 сак. 2017. Мінск: БДУ, 2017. С. 126.

к художественным моделям А. С. Пушкина («Станционный смотритель»), Н. В. Гоголя («Шинель»), Ф. М. Достоевского («Бедные люди»), а в белорусской литературе — В. Сырокомли, Я. Купалы, Я. Коласа, Я. Лучины.

В рассказах А И проблема психологии «маленького человека» решается в нескольких художественных измерениях. Так, в «Маленьком человеке» (пер. А. Букатой) это связано с идеей двойничества персонажа Фэн Батао, который, стремясь освободиться от психологического давления сильного соперника (и здесь А И тонко вплетает в художественную ткань повествования мотив игры — шахматные партии Фэн Батао и Хэ Лаоэра), выстраивает сложную комбинацию действий, замешанных на человеческих нуждах, страстях, пороках и морали. При этом одной из стилевых доминант в рассказе выступает детективный сюжет (прослеживается преемственность традиции «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, художественно воплощающего при посредничестве указанной формы идею человека, проверяющего, кто он — «тварь дрожащая» или «право имеет»), который, с одной стороны, позволяет до самой развязки держать читателя в неведении и напряжении относительно настоящей сущности описываемых героев и событий, а с другой — проследить мотивы поведения и осмыслить ситуацию выбора, в которой оказывается каждый из персонажей. Обращает на себя внимание предметный ряд деталей физиологического, телесного характера (А И делает на них неоднократные акценты в рассказе), которые неожиданно противопоставлены стойкости духа. Закономерно в связи с этим появляется в «Маленьком человеке» и диалог осуждаемого на смертную казнь Чэнь Менъи с тюремщиком, где герои рассуждают об учении Конфуция и правильном понимании того пути, о котором говорит философ. Повествование в этом эпизоде насыщено символическими деталями, а развязка действия, позволяющая читателю совершить ретроспекцию и переосмыслить события и поступки героев в свете открывшейся правды (примечательно, что и открывается она в последней реплике рассказа через противопоставление: «Ты обманщик!»), поднимает вопрос о принципиальной неразрешимости противоречия между виной и невиновностью, преступлением и наказанием, истиной и ложью.

В рассказе «Отшельник» (пер. Е. Романовской) повествование ведется от первого лица, что настраивает потенциального реципиента на доверительное отношение к рассказчику, психология которого раскрывается в непосредственной связи с мотивом возвращения. Кроме того, в начале повествования проговаривается (акцент — на внутренней речи) мировоззренческая установка, определяющая поведение персонажа-рассказчика и связанная с мотивом скуки (весьма актуальном, в частности, в рассказах А. П. Чехова). Именно глазами «скучающего» человека, стремящегося отмежеваться от любых взаимодействий, мы видим другого «отшельника», принимающего свое добровольное и очистительное уединение: Фань Цзисян представляется читателю мучеником страсти, веры, любви. И хотя об этом прямо не говорится, не высказывается

непосредственно отношению к настоящему (Фан Цзисян), а не мнимому (рассказчик) отшельнику, идея страдания как высшей ценности жизни концентрируется здесь в образной концепции личности. По мысли Н. К. Хузиятовой, «поиск нового субъекта в мире безликой толпы со всей очевидностью обозначил рубеж между доктринальной тоталитаристской литературой и новой демократической литературой, между свободой и несвободой, между типажом как клеточкой социализированной группы и личностью, выделившейся из толпы и отстаивающей свое „я“, личностью, теснейшим образом связанной с автором и конкретными особенностями его мировосприятия как творящего субъекта»¹.

Рассказ Вэй Вэй «Крик, или Хроники жизни маленького городка 2» (пер. К. Мельниковой) отличается усложненной композицией, которая соответствует многослойной содержательной концепции произведения. Как и в рассказах А И, здесь поднимаются проблемы вины и невиновности, преступления и наказания, что свидетельствует об актуальности художественного поиска в данном направлении, однако изображаются они, и разрешаются в ином ключе. Прежде всего, «расстановка сил» в рассказе связана с отношениями мужчины и женщины. Психология поведения человека, разум и чувства которого вступают в противоречие (русская «формула» А. С. Грибоедова — «ум с сердцем не в ладу»), оказываются в поле творческого осмысления Вэй Вэй. В качестве символической детали в рассказе выступает женский крик, который «отзывается» в сердце мужчины, проникает в его сон, доводит до бессонницы, побуждает к действию. Провоцируемое криком запретное чувство, влекущее за собой социально осуждаемое действие мужчины, показано автором как чистое (акцент неоднократно делается и на «светлом» внешнем облике персонажа Шитоу) при не подвергающейся сомнению в глазах общества внешней порочности. Вэй Вэй показывает скрытые мотивы поведения персонажей, которых читатель видит глазами рассказчицы. Образ автора, таким образом, принципиально усложнен в произведении: с одной стороны, героиня, от лица которой ведется повествование, «вовлечена» в гущу событий и отношений между персонажами, с другой — выступает в качестве отстраненного повествователя, с третьей — выражает авторское сочувствие герою, совершающему внешне порочные поступки, обусловленные невозможностью преодоления настоящих, живых чувств, которые им движут. Не случайно внутренние ощущения героя, на двадцать лет разлученного с объектом порочной страсти, характеризуется в рассказе так: «Кем она его считает? Что думает? Двадцать лет прошло, двадцать лет никто не знал, что он жил как мертвый человек, он давно уже умер»².

¹ Хузиятова Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе / Н. К. Хузиятова / Вестник Челябинского государственного университета. № 36. 2008. С. 147.

² Вэй В. Крик, или Хроники жизни маленького городка 2 / Вэй Вэй / Нёман. № 10–2014. С. 31.

Мотивы жизни и смерти трансформируются в мотивы жизни и смерти «внутреннего человека», неизбежно перекликающиеся с мотивами вины и наказания («бесчисленные паразиты, мучившие совестью и стыдом»). И на этом фоне особенно выделяется идея рока, судьбы, определяющая поступки персонажей. Недаром автор акцентирует внимание, что повторная встреча героев произошла «абсолютно невероятно», что «звезда упала с неба», «что это судьба», и «мудрец, который высказывал пророчества на их счет» и через двадцать лет «изрекает» о героях — «два несчастных ребенка». Примечателен в контексте идейной развязки рассказа и мотив неразделенной любви, которая, как утверждает автор в финале, обрекает человека на пустоту и страдание (страдание от внутренней пустоты). Важно подчеркнуть, что место действия — маленький городок — проецируется в произведении на большой мир людей, в которых за внешними разрушительными поступками разглядеть невинную внутреннюю сущность человека способны лишь избранные мудрецы.

Идея предопределенности судьбы, разбрасывающей перед человеком многочисленные подсказки-символы, обуславливает семантические и структурные особенности рассказа Чжу Вэньин «Суэта» (пер. Ю. Молотковой). Пестрая система образов — девятнадцатилетний юноша, решивший покончить с собой; старик с черными руками; главный герой, обуреваемый воспоминаниями, надеждами и предчувствиями; продажная женщина, которая ждет его любви, но в момент насильственной смерти героя пребывает время в объятиях другого; холодная русская красавица Лидия и ее муж — военноморской офицер, лишившиеся страны, вынужденные жить в Шанхае (замечание «тяжело переживающего» о них пожилого господина: «У всех русских в Шанхае нет дома»¹) — позволяет автору создать многоплановое художественное пространство, время в котором течет по своим особым законам, переходя из реального в символическое, нереальное, сотканное из воспоминаний, ощущений, предвидений. Смена бытовых и символических планов при этом сопровождается насыщенной цветописью — и все это «работает» на создание у читателя ощущения бренности мира, скоротечности и обреченности жизни. Картины старого Шанхая (национальный колорит богато детализирован на предметном и символическом уровнях) укрупняют контраст между прошлым и настоящим в их оппозиции неопределенному, но безнадежному будущему. И в свете этого видится закономерным, что «значительная часть рассказа посвящена описанию обряда гадания на бамбуковых бирках, который герои совершают ежегодно»², однако для главного героя

¹ Вэньин Ч. Суэта / Чжун Вэньин / Нёман. № 10. 2014. С. 60

² Молоткова Ю. В. Перевод китайской лексики с национально-культурным компонентом на русский язык (на примере рассказа Чжу Вэньин «Суэта») / Ю. В. Молоткова /

обряд, изображенный в рассказе, оказывается последним, а бирка — и это органично магистральной идее произведения — постепенно словно бы «рассыпается песком». Мотив смерти, символом которого оказывается завернутый в тряпье мертвый младенец на дороге, приобретает к финалу рассказа мощное звучание, объединяя обреченных — и неизбежно погибающих — героев. Представленные на самобытном национальном материале события в рассказе «Суэта» становятся вместе с тем проекцией на историческое сплетение судеб народов и культур в XX веке, потрясшем основы мироощущения человека в крушащем его судьбу мире; «бамбуковый лес» выступает философским символом уединения (и возможного спасения), недооцененного в «суэте» повседневных страстей.

Мотивная структура рассказа Лу Минь «От имени отца» (пер. А. Холевой), в котором повествование ведется от первого лица, строится на воспоминании героини об умершем двадцать лет назад отце. Обряд сжигания бумажных денег, восходящий к древним китайским верованиям, в прологе рассказа показан на фоне диалога героини с дочерью, задающей вопросом о назначении обряда. И здесь актуализируется сдержанный и одновременно яркий философский посыл: «Мертвым не суждено узнать об этом, как и живым не дано познать небеса»¹. Противопоставление двух миров, связанных друг с другом непостижимыми и невидимыми связями, организует художественное время и пространство рассказа. При этом важным и актуальным в современном культурологическом дискурсе приемом оказывается исповедальная авторская интонация, позволяющая потенциальному адресату оказаться словно бы в личном пространстве адресанта коммуникации. Противоречивые отношения дочери и отца, поданные через призму подробных воспоминаний, сообщают вечной проблеме «отцов и детей» конкретное содержание. Болезненные переживания героини в процессе взросления из-за отношений с отцом, соотносимые с их оценкой той же героиней, но достигшей «взрослости», с высоты лет, усложняет хроникальную динамику повествования. Фрагментарность, обособленность ситуаций-воспоминаний, объединенных вокруг образа отца героини, складываются в глубоко личную и эмоционально насыщенную картину внутренней жизни личности. Документальные детали, выводящие повествование из сферы художественного в пространство настоящего, «непридуманного» мира, усиливают ощущение «стирания» демаркационных линий между реальностью произведения и реальной действительностью. Такая безусловно актуальная для начала XXI века стратегия художественной типизации универсальна, выходит за пределы собственно национальных парадигм, и это особенно важно в контексте понимания направленности современной межкультурной коммуникации.

¹ *Минь Л.* От имени отца / Лу Минь / Нёман № 10. 2014. С. 68.

Реализация проекта «„Всемирная литература“ в „Нёмане“» показывает, что в рамках диалога литератур, осуществляемого на платформе одного из самых авторитетных изданий страны, актуализируются близкие и понятные для белорусского культурного пространства гуманистические идеи и ценностные мировоззренческие ориентиры, присущие современной молодой китайской прозе. Расширение культурных горизонтов, рецепция художественных практик, упрочение международных связей — таковы наиболее значимые приобретения, сделанные заинтересованными в коммуникации сторонами в процессе осмысленного межкультурного диалога.

Lebedeva Natalya (FEFU, Russia)

Genre Features of the Prose of Northeastern China of the First Half of the Twentieth Century

The article describes how, based on the national tradition of the hierarchy of prose genres, the literature of Northeastern China developed its own tendencies of genre formation. From the author's point of view that became a manifestation of the regional features of the literature. Thus, apart from the short stories, the first large literary form works such as tales and novels by Xiao Jun and Duanmu Hongliang were created. The prose works of the region were characterized by a mixture of genre features. For example, the tale "Field of life and death" by Xiao Hong had a genre signs of essay (sanwen), while the new genre that appeared in the region — a journalistic essay (baogao wenxue) — had some genre features of a short story.

Keywords: *Northeastern China prose, literary genre, regional features, journalistic essay baogao wenxue, essay sanwen.*

Лебедева Н. А. (ДФУ, Россия)

Жанровые особенности прозы Северо — Восточного Китая первой половины XX века

Ключевые слова: *проза Северо-Восточного Китая, литературный жанр, региональные особенности, очерк баогао вэньсюэ, эссе саньвэнь.*

Проза Северо-Восточного Китая первой половины XX века при всем своем своеобразии развивалась в русле основных тенденций общенациональной литературы. Это в полной мере касается и ее жанрового состава, и иерархии жанров.